

Сентябрь 1975

В Индию я попала на автобусе, в который я села в Афинах. Частицы грязи и пыли парили в воздухе и покрывали все, в то время как я и другие молодые пассажиры нашего автобуса пересекали Пакистан по грунтовой дороге. Мухи, которые присоединились к нам в Лахоре, были все еще с нами, хотя их гудение нельзя было слышать сквозь грохочущую на всю катушку рок-музыку. Мы были в дороге уже шесть недель. За это время одна моя нога успела отполировать пол, где смешалась грязь Греции, Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана. Образцы этого международного материала можно было также найти в моих ушах, ноздрях, под ногтями. Затем все это, смешавшись еще и с индийской пылью, осело плотной коркой в уголках моих глаз. Это была Индия! И Н Д И Я!!! Я была готова к ней. Я жаждала испытать на себе Восток. Что-то особенное ждало меня здесь, и я чувствовала это. Возможно, это было тем местом, где я смогу найти свой Дом.

В Нью-Дели, на нашей первой остановке, вышли некоторые пассажиры, но к нам под село и несколько новых людей. В новых людях было что-то неопишное. Вы могли бы сразу определить, что они были какое-то время на Востоке. Их одежда висела более свободно, их манеры казались более раскрепощенными, и у них было определенное внутреннее спокойствие. Одна американская пара, Пол и Пэм, оба с волнистыми каштановыми волосами до самой талии, сказали нам, что они жили в Гоа четыре года. Пол, в белых, облегающих штанах и белой короткой майке, стоял в передней части автобуса и помогал, указывая направление. Я внимательно наблюдала за Пэм, чтобы понять, что же дает ей такую «изюминку».

Независимо от того, что же это было, я тоже хотела обладать этим.

В Бомбее мы припарковались на ночь, чтобы спать в автобусе, рядом с мраморными колоннами пятизвездочного отеля Taj Mahal. Там я и две мои попутчицы-немки позаимствовали в холле, в женском туалете, косметические принадлежности.

По пути назад, выйдя из отеля с выстиранным нижним бельем в руках, мы заметили что-то похожее на продолговатые связки мусора напротив стены через дорогу. Я застыла, когда связка зашевелилась, ожидая увидеть убегающую крысу.

– В чем дело? – прошептала одна из немок.

Все втроем мы замерли, разглядывая выстроенные вряд непонятные продолговатые формы, лежащие в ряд по обе стороны улицы.

– Смотрите! С одного края торчат волосы, а с другой пара босых ног, – произнесла я, указав на детскую руку, торчащую из крошечного сооружения.

– Это люди!

– Бакшиш, – вдруг кто-то сказал, внезапно схватив мой локоть. Я обернулась и увидела женщину в рваном сари с чумазой полосой через лицо, и с ребенком на руках.

– Paisa*, – жалобно сказала она, протягивая ладони сначала ко мне, а потом к ее рту, жестами изображая голод. – Paisa!

Другой нищий появился рядом с нами и еще двое вылезли из-под своих укрытий и направились к нам. Ребенок, схватив край моего гофрированного платья, стал тереть его ртом. И это было то самое место, где я хотела жить?

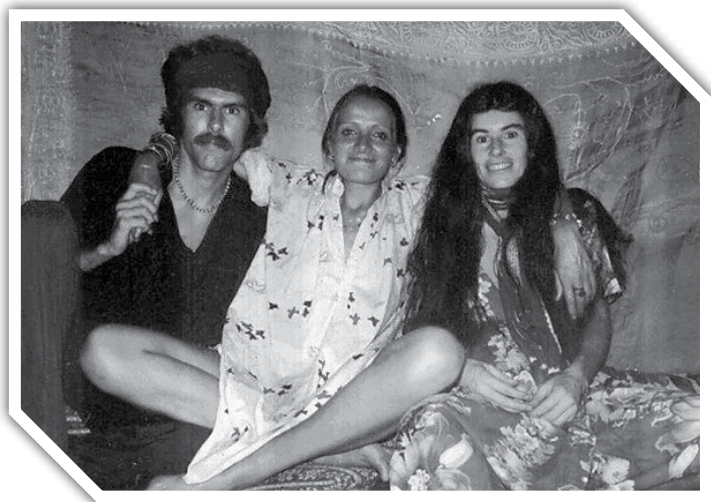
– Давайте выбираться отсюда, – сказала я, ускоряя шаг.

На следующий день мы должны были уехать в Гоа. Все утро я потратила на поиск места в Бомбее, где бы я смогла бы оставить свой огромный чемодан, настолько полный одежды, что его прозвали «чемодан роскошной хиппи». Я хотела взять с собой только минимум нарядов, упакованных в спальный мешок. Мне также нужно было надежное место, где бы я могла оставить свое портфолио для модельного бизнеса. Если бы я потеряла его, то больше не смогла бы найти хорошую работу.

Уже в десять утра температура Бомбея поджаривала мои кости. Хотя найти отель с платной камерой хранения не должно было занять много времени, я была в замешательстве, потому что не знала, что делать с моими фотографиями. После целого часа неудачных попыток найти такое место я остановилось передохнуть в тени пятнадцати квадратных сантиметров дорожного светофора. Потная и раздраженная, я была уверена, что закричу, если хотя бы еще один нищий дотронется до меня.

---

*Paisa - самая мелкая денежная единица. Одна сотая рупии.

Пол, Джери и Пэм

– Вы потерялись? – спросил меня один индус, когда я осталась стоять в тени светофора, после того, как все остальные пересекли улицу. Я застонала и топнула ногой.

– Ох, я не знаю, где оставить свое портфолио, мои ноги убивают меня, здесь слишком жарко, здесь слишком людно, мой автобус собирается уезжать в любую минуту и тут еще эти нищие сводят меня с ума!

Человек сдержанно улыбнулся и дал мне свою визитную карточку.

– Я работаю в Indian Airlines. Вы увидите наш офис, если пойдете вниз по шоссе. Не желаете ли, чтобы я показал вам город?

– Я скоро отправляюсь в Гоа, – сказала я ему. Вы не знаете, где я могу оставить на хранение мое портфолио? Это самое ценное, что у меня есть, и я не хочу брать его с собой.

– Я могу у себя подержать его для вас, если вы пожелаете. Вы можете найти меня в офисе в любой рабочий день. Возможно, по вашему возвращению в Бомбей вы позволите мне сопроводить вас на ужин.

– Прекрасно! – ответила я, просмотрев на его серый галстук, и на его начищенные, остроносые туфли. Где я могу найти более безопасное место, чем у этого человека в хорошем костюме. Отлично! И я наконец-то доверила ему свое портфолио. Незнакомец выглядел настолько надежным, что я даже не потрудилась спросить его, куда

он его положит. За фотографиями были спрятаны двести долларов в дорожных чеках. Это было половина всего, что я оставила в этом мире. Я хотела отложить их на черный день.

В тот день автобус вышел на «финишную прямую» нашего путешествия. Это заняло пятнадцать часов от Бомбея до границы Гоа, и возможно еще десять до Калангута – конечного пункта нашего назначения. Как оказалось, бывшая до 1961 года колония Португалии значительно отличается от Индии, которую мы видели до этого. Во-первых, не было никакой отчаянно-вопящей бедности, а во-вторых – деревья... Вау! Все, что мы видели до этого, было пустынной местностью, Гоа же изобилует пышной зеленой растительностью.

Дорога была пустой, за исключением случайных телег, запряженных волами, нескольких велосипедистов, одиноких коров и множества кур. При пересечении речки на пароме мы должны были выйти из автобуса. С насыпи из грязи, стоя в стороне, мы наблюдали как старожилы Пол и Пэм машут руками, помогая водителю направлять наше большое транспортное средство на маленький паром. Очевидно, местные власти недавно начали строительство моста через реку. Стальные конструкции шагнули метров на сто в воду и резко заканчивались, как будто рабочие-строители только что уехали на обед.

– Все было точно так же и много лет назад, – сказала Пэм, показывая на недостроенный мост. – Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь работал над ним. В Индии ничего быстро не делается.

Достигнув другой стороны речки, мы проехали еще полчаса, и наконец-то увидели океан. Высокие пальмы склонились над спокойной водой, а сквозь кустарники виднелись здания пастельных тонов, построенные в португальском стиле. Только редкая собака могла выбежать, и облаять нас, нарушив тишину. К концу дня, мы наконец-то доехали до Калангута. Мои попутчики, разобрав свои вещи, неторопливо разошлись маленькими группами по двое или по трое. Только сейчас я поняла, что путешествую одна.

– До свидания, – сказала я двум своим немецким попутчицам, помахав им рукой, когда они утаскивали свою огромную вещевую сумку.

– Чао, – сказала я итальянской паре после того, как они взгромоздили свои рюкзаки на спину.

И что мне делать теперь? Наш синий автобус Mercedes казался до боли родным и близким. Я не решалась покинуть его, и так и стояла, осматриваясь по сторонам. Автобус был припаркован на мощеной площадке около моря. Солнце приближалось к горизонту. Вскоре водители Том и Джулиан, с которыми я почти не раз-

говаривала во время путешествия, стали единственными, кто остался в автобусе. Том, американец с рыжими волосами и бледной кожей, прислонился к задней части машины, и молча стоял, наблюдая за заходящим солнцем. Джулиан, англичанин с каштановыми кудрями до плеч, стоял рядом. Я знала, что они возили фриков из Амстердама до Афин и обратно, но это было их первой поездкой в Индию. Внезапно оставшись одна, после долгих недель в окружении друзей, я обнаружила, что Том весьма привлекателен. Я посмотрела еще раз вокруг опустевшей площадки и подошла к нему, где стоял он, наклонившись к заднему колесу.

– Все хорошо? – спросила я.

– Все в порядке, детка, мы всего лишь проверяем наш «басик» для первоклассной поездки обратно в Дели, – ответил он, подняв голову, и пнул ногой крышку.

– Когда вы едете обратно?

– Завтра.

– Так скоро?

– Через десять дней мы вернемся. Ты знаешь, мы планируем вернуться сюда через десять дней в отпуск, после того, как заработаем немного денег.

Я немного побродила вокруг автобуса, пока они его закрывали, и затем мы все вместе направились в ближайший ресторанчик под открытым небом. С заходом солнца небо становилось все розовой, плавно переходя в фиолетовые и голубые тона.

– Где ты сегодня останешься на ночь? – спросила я Тома, наклонившись к нему.

– Ты знаешь, детка, я думаю найти комнату где-нибудь, – ответил он, улыбнувшись краешком губ.

– А можно я останусь с тобой? – спросила его я, на мгновение отведя взгляд.

Его лицо засияло от удовольствия, и он радостно сморщился, заставив веснушки на его щеках собраться в забавную кучку.

– Конечно, я буду только рад.

После ужина мы втроем гуляли по пляжу, болтая ни о чем, пока снова не вернулись к площадке, где стоял наш автобус. Лачуги, сделанные из пальмовых листьев, называемые чай-шопами, окружали всю асфальтированную часть площади. Chai*, что переводилось с хинди как «чай», скорее всего, у них был в наличии, но по надпи-

---

*Chai - чай с молоком.

сям, сделанным мелом с множеством орфографических ошибок, я поняла, что специализируются они в основном на продаже молочных коктейлей, в которые они добавляют различные фрукты. Чай-шопы были полны путешественников. Они были босоногие, небритые, загорелые, с просоленными от морской воды волосами. Когда мы гуляли, Джулиан пнул кокосовую скорлупку. Завиток его волос упал на глаза, когда он смотрел вниз. В этот момент, он показался мне жутко симпатичным. Но тут рука Тома нежно легла на мои плечи. Было немного досадно, что его рука защемила мои волосы.

Когда Джулиан оставил нас, Том улыбнулся мне.

– Знаешь, детка, это... того... после шести недель в автобусе мне бы очень хотелось сегодня переночевать на нормальной кровати.

– Мне тоже, – ответила я, почувствовав будоражащую игривость от мысли, что сегодня комфортно растянусь рядом с Томом.

Мы нашли небольшой гестхаус* на песке позади чай-шопа. После недель, проведенных в скрюченном состоянии в автобусных креслах, я комфортно развалилась на узкой кровати. Красные узоры на покрывале были в тон красным веснушкам Тома.

Индия!!! Я наконец-то добралась сюда!!! Я в Гоа!!! Не может быть!!! Даже океанский воздух пах грядущими приключениями. Я не могла дождаться, чтобы поскорее проснуться в этом новом месте. Но меня лишь тревожило то, что, ожидая утра, я не могла перестать думать о Джулиане.

*****

На следующий день, после завтрака и беглого взгляда на широкий пустынный пляж, простирающийся до горизонта в обоих направлениях, Том и Джулиан сели на свой автобус и уехали в Дели. У меня было время для того, чтобы найти мое собственное место, где бы мне захотелось остаться жить. Пол сказал нам, что дом в Гоа можно было арендовать всего за семь долларов в месяц.

– Эй, – крикнула я в автобусное окно. – Я собираюсь найти себе дом. Когда вы вернетесь, то можете остановиться у меня.

Широко улыбнувшись, они помахали мне рукой и уехали, оставив облако красной пыли.

И что теперь? Я прошлась по чай-шопам, и была удивлена тем, что они были заполнены по сути обычными туристами. Они напомнили мне тех отдыхающих туристов в Европе, которые скоро воз-

*Гест-хаус (от англ. guest house) – дом, сдающийся в аренду, мини-отель.

вратятся домой с несколькими историями и горами фотографий. Туристы! Но где были фрики*, о которых я так много слышала? Это не было тем, чего я ожидала. Что это такое? И это Гоа? Куда уехали Пэм и Пол?

– Поищите на пляже Анджуны, – предложил мне один француз, с фотоаппаратом на шее и солнцезащитным кремом на носу. Это тот район, где проводятся пати.

– Это находится в Гоа? – удивленно, с ноткой надежды спросила я.

– Конечно. Гоа – это целый штат.

Вынув путеводитель, он начал его листать.

– Смотри, здесь говорится, что в Гоа сто тридцать два километра побережья.

– Как далеко этот пляж Анджуны?

– Несколько часов. Вы спускаетесь по этому пляжу до конца. Это Бага-бич. Пересекаете речку Бага, затем перейдете через гору, и с другой стороны будет Анджуна. Вы не сможете пройти мимо.

Гора? Река? Это звучало, как какая-то экскурсия. Я обошла и другие чай-шопы. Нет, там тоже не происходило ничего интересного, и я решила проверить пляж Анджуны. Француз предложил мне переночевать у него, в Баге, и я приняла предложение, наслаждаясь новой компанией по пути к его дому. Я развернула свой спальный мешок прямо на его полу. Ночью мне пришлось отклонить его нежелательное появление возле меня.

– Тш-ш-ш! Нет! Я хочу спать. Спокойной ночи, – сказала я и притворилась, что уже сплю.

Рано утром на следующий день я добралась до речки Баги. Прилива не было. Следуя инструкциям француза, я пробралась по мелководью. С другой стороны был холм, на который я поднялась по каменистой, порой прерывающейся тропинке. Наполовину спустившись по ту сторону холма, я впервые увидела пляж Анджуны, граничащий с другим холмом примерно в трех километрах. Я могла видеть только вершины пальм и гектары рисовых полей. Становилось жарко, и океан с левой стороны от меня выглядел приветливо прохладным. Первый дом, с которым я столкнулась, был чай-шоп под названием

---

*Фрики (от англ. freaks) – контр-культурная группа людей, объединяющая такие направления, как панки, хиппи и т. п. Весёлые, разноцветно одетые гедонисты, чаще всего употребляющие наркотики, живущие вне привычной социальной матрицы. Фрикование — это процесс, посредством которого личность отбрасывает устаревшие и сковывающие стандарты мышления, внешнего вида и общественного поведения для того, чтобы творчески выразить свое отношение к окружающей его среде и структуре общества в целом.

Фрики ГОА

Джо Ванана. Через несколько шагов я оказалась на открытой веранде с цементными скамейками и деревянными столиками. Полураздетые фрики, развалившись, неторопливо передавали друг другу дымящиеся чилумы, набитые гашишем. Плотные облака дыма плавали в воздухе. Ага! Наконец-то это были люди, непохожие на туристов из Калангута. Никаких поджаренных загаром носов, обильно намазанных солнцезащитным кремом, никаких фотоаппаратов, никаких путеводителей. У них было какое-то неуловимое качество, которое я не могла описать словами. Это мне очень нравилось, это как раз было то, что мне нужно. Теперь мне нужно было найти себе дом. Я постучала по плечу парня, у которого была копна длинных волос.

– Извините, не знаете, где я могу арендовать себе дом? – спросила я, рассматривая его лицо. В ответ он с любопытством улыбнулся и на секунду приоткрыл рот, не зная, что сказать.

– Вы прежде уже задавали мне этот вопрос. На Иосе, в Греции, за пределами города. Помните? Вы остановили меня и попросили показать направление к пещере. Вы спросили меня точно в такой же манере, в которой вы сделали это сейчас.

– Эй! Так ты почти что старый друг!

– Ты все еще в пути? – смеясь, добавил он. Я помню, что подумал еще тогда, что ты туристка в отпуске.

Туристка?! Он назвал меня туристкой?! Это просто убило меня. Это было обидно, словно он назвал меня пролетарием, рабочим или крестьянкой.

– Нет! – резко, повысив голос, ответила я. – Уже тогда я была в пути три с половиной года. Перед Грецией я жила в доме в дереве на Синае! До этого я жила в кибуце*. А перед этим я объехала всю Европу, живя в разукрашенном автомобиле! У него было нарисованное лицо на капоте и огромное разбитое яйцо на крыше.

– Хорошо, хорошо. Я извиняюсь. Это то, что я подумал в то время, – смеясь ответил он, наигранно стараясь сделать серьезное лицо.

– Я нашла ту пещеру, к которой ты направил меня тогда, – продолжила я, чувствуя себя все еще оскорбленной. Я прожила там месяц, одна, на утесе. В километре от меня не было ни души, и это был не туристический сезон.

– Я верю тебе, я верю!

– Хорошо... поэтому теперь я снова нуждаюсь в доме. Знаешь что-нибудь такое?

– Не, прямо здесь нет, – сказал, представившись грек Роберт. Все здания заняты. Все хотят жить на пляже Анджуны.

– Попробуйте поискать за рисовыми полями, – ответил кто-то хриплым голосом, стараясь задержать подольше в легких гашишный дым.

Я спросила Джо по прозвищу «Банана», старого сморщенного индуса в потасканных шортах, но он сказал то же самое. Домики, стоящие вдоль пляжа, были все заняты. Он позволил мне оставить сумку в его дальней комнате, и я пошла исследовать Анджуну, в поиске подходящего жилища. Ха! Отдыхающая... Туристка... Я НЕ ТУРИСТКА! Я никогда в жизни не имела постоянную работу. Ну и олень этот грек Роберт. Интересно, за кого он меня принимал?

В Анджуне не было асфальтовых дорог, только большие и маленькие тропинки, протоптанные ногами. Становилось все жарче, но густая тень от пальм защищала меня от солнца, когда я шла сквозь деревню. Я прошла мимо нескольких гоанских зданий, сделанных из камней и покрытых соломой. Казалось, что кто-то из местных жил там, но видны были только одни европейские фрики. Голые по пояс, европейки загорали, удобно устроившись в гамаках. Они улыгнулись мне, когда я прошла мимо них. Мужчины носили прямоугольные платки, обернутые вокруг бедер на манер юбки.

*Кибуц – сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении.

ГОА 1975

Это называлось «лунги». Трое мужчин, моясь возле колодца, тоже улыбнулись мне. Один стоял абсолютно голый и весь в мыльной пене. Двое других вылили на его голову ведро воды, и он, выпучив глаза, заорал: «...хватит, холодно, вода совсем холодная».

– Привет, – сказал он, обтираясь.

– Привет, – ответила я, и пошла дальше.

Когда я вышла на пляж, передо мной открылась прекрасная картина. Более ста человек, все голые, сидели вместе, жадно впитывая солнце. Группа загорелых голых парней весело играла в волейбол. Смех и вопль долетали до меня с другой стороны, поскольку, кто-то играючи упал в океан, не догнав летающую тарелку фрисби. Я почувствовала, что волнение переполняет меня. Это выглядело точно так же, как и в моих мечтах. Это было невероятное комьюнити, которое вдобавок находилось в раю. Это было просто трансцендентально! Здесь было то самое комьюнити, к которому я могла принадлежать. Я сразу почувствовала себя частью этого. Мне показалось, что я очень давно знаю это место. Здесь будет мой дом! Я не хотела жить в Калангуте или за рисовыми полями, вдалеке от пляжа. Я не была работягой в отпуске, и хотела жить тут же, прямо около моря. Развернувшись, я пошла в сторону холма, что в другом конце пляжа Анджуны. Огромная свинья с группой ма-

леньких поросят бросились стремглав прочь, услышав мои шаги. Во дворе неторопливо клевали зерно несколько кур. Индийский буйвол медленно повернул свою голову ко мне, задержав ухом. Мне ужасно хотелось тоже найти свой дом. Я уже жаждала иметь свою собственную территорию в этом удивительном месте. Пройдя мимо людей, сидящих под развесистыми деревьями, я сказала им «привет». Каждый из них улыбнулся мне и сказал тоже «привет». Я почувствовала, что уже принадлежу этому месту. Я практически жила уже здесь.

Пересекая скалы по тропинке, я остановила белокурого парня, замотанного в лунги. Он шел с обратной стороны и нес странный инструмент, не очень мелодично играя на нем.

– Извините меня, а вы не знаете, где я могу арендовать дом?

– Вы вовремя меня повстречали, – сказал он с немецким акцентом. Меня зовут Рамдас, я завтра уезжаю в Пуну. У меня есть дом, и вы можете в нем жить, пока я не вернусь.

– Правда? А где он находится? – радостно спросила я, не веря в такую удачу.

– Прямо на пляже. Я покажу его вам. Это изумительный дом.